

К изучению визуальной поэтики
старообрядческой литературы XVIII века *

О. Д. Журавель

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Ставится проблема визуальной поэтики старообрядческой литературы. Материалом для исследования послужили тексты барочных риторик и проповедей выговских лидеров Андрея Денисова и Андрея Борисова, созданные на Выге в XVIII в. Автор полагает, что фокализация в старообрядческой литературной культуре была связана с меняющимися поэтическими установками. С помощью визуальных образов и метафор в текстах начала XVIII в. выстраивался идеализированный образ мира и, в частности, Выговской пустыни как места духовного подвижничества. Показана структурообразующая роль ключевых констант барочного мировидения. В конце XVIII в. в творчестве Андрея Борисова появляется акцент на личности автора, способом концентрации внимания на авторском взгляде являются натуралистически точные описания. Анализируется уникальный пример экфрасиса, также имевший место в творчестве Андрея Борисова (описание портрета Екатерины Второй Д. Левицкого).

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-09-00094а «Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности».

Журавель О. Д. К изучению визуальной поэтики старообрядческой литературы XVIII века // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 249–262.

Ключевые слова: старообрядческая литературная культура, Выг, барокко, риторика, визуальная метафора, эмблема, Андрей Денисов, Андрей Борисов, экфрасис.

УДК 821.161.1 + 930.85

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-249-262

Контактная информация: Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, olga_zhuravel@mail.ru)

Старообрядчество – крупнейшее в истории России общественно-религиозное движение. Сами защитники старого обряда всегда декларировали стремление сохранить в неизменном виде веру, обычаи, весь образ жизни – такими, какими они были в Древней Руси, до реформ патриарха Никона, и в значительной мере им это удавалось. Тем не менее, не касаясь идеологических и обрядовых вопросов, можно утверждать, что литературная культура старообрядцев эволюционировала. Об этом свидетельствуют в первую очередь исследования литературного наследия Выговского старообрядческого центра ¹.

Вопросы визуальной поэтики на материале старообрядческой письменности до сих пор не ставились. Между тем «потаенная» в силу исторических обстоятельств письменность старообрядцев, постепенно открывающаяся внешнему миру благодаря публикациям археографов, содержит в себе множество сокровищ словесной культуры, а визуальный аспект ее исследования может открыть путь к изучению картины мира старообрядческих авторов. Фокализация как «указания на детали картины мира, фокусирующие ментальное зрение» [Тюпа, 2006, с. 97], конечно же, присутствует в памятниках словесности и проявляется она по-разному, в зависимости от типов творчества. Материалом для данной статьи послужили тексты, созданные на Выге в XVIII в., в начале и в конце столетия.

Выговское общежитие было основано в 1694 г. и более полутора столетий оставалось крупнейшим центром религиозной культуры, оплотом традиционализма. Литературная школа, созданная первым поколением выговских лидеров в начале XVIII в., относилась к риторическому типу. Книжники Выга знали практически все риторические, известные в России в конце XVII – XVIII в. Сохранились выговские списки книг Софрония Лихуда, Козьмы Афоноверского ², Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Георгия Даниловского, Андрея (Яна) Белобочко, на их основе

¹ См., например: [Понырко, 1994; Юхименко, 2002; 2008; Журавель, 2012].

² Риторические Софрония Лихуда и Козьмы Афоноверского основаны на «Искусстве риторики» венецианца Франческо Скуффи 1681 г.

создавались собственные труды, прежде всего фундаментальная Риторика-свод³. Риторическому творчеству придавали большое значение руководители центра, в первую очередь Андрей Денисов (1674–1730), чей почерк сохранили многие рукописи. Каждая риторика выражала определенную систему ценностей, эстетическую концепцию, риторики становились мета-текстами [Аверинцев, 1996, с. 158–189; Лахманн, 2001, с. 32–40], играли и кодифицирующую, и моделирующую роль в словесности. И хотя они предназначались в первую очередь для того, чтобы служить пособиями для составления проповедей, наиболее востребованного жанра на Выге, сами рукописные книги, содержащие риторические учения, стали важной частью книжной культуры старообрядцев.

Преимущество в начале XVIII в. отдавалось барочным теориям слова. Разделы риторик сопровождалась примерами («прикладами», «парадигмами»), что превращало эти книги в своеобразные четьи сборники. Иллюстративность отличала и тексты проповедей, поскольку делала их содержание более понятным, помогая образно представить абстрактные категории. «Потщися, да вси люди разумеют сие, что ты глаголеши в поучении», – советовал проповеднику Иоанникий Галатовский, чей трактат был также знаком выговцам [Духовная литература..., 2011, с. 21].

«Парадигмы» выговских риторик, заимствованные из разнообразных книжных источников, в том числе из европейских сборников для проповедников, создавали в совокупности образ мира, далекий от реальности, окружающей старообрядцев. Суровая природа русского Севера, аскетичный быт насельников Выга дополнялись иной реальностью, продуцируемой книжными текстами. В ее основу были положены структурообразующие константы барочного мировидения. Примеры из барочных риторик отражали идеи, популярные в культуре барокко. Так, библейский взгляд на Божий мир как на совершенное творение, знакомый по Шестодневам, Толковой Палее, в «парадигме» на «епихириму» (эпихерейму) обретает типично барочное звучание. Похвала солнцу («око вселенныя есть солнце... красота естества... радость миру...») содержит описание мира после захода дневного светила: «...ходиши по земли и на каждую стопу боишися, дабы не сретил еси смерть. И вкратце, мир весь бывает страшный *лабиринф*⁴ и паче достоит нарещися гроб, нежели селение живущих человек»⁵. Контраст между светом и тьмой, нагнетание ужаса перед смертью, мир как лабиринт – все это популярные барочные идеи⁶.

³ Подробнее о репертуаре и списках риторик на Выге см.: [Журавель, 2012, с. 10–85].

⁴ Здесь и далее курсив мой. – О. Ж.

⁵ Риторика-свод (БАН, собрание Дружинина, № 122. Конец 1720-х гг. Л. 57 – 57 об.) Пример заимствован из Риторики Софрония.

⁶ О мотиве лабиринта в барокко см., например: [Сазонова, 2006, с. 243].

Мотив бренности человеческой жизни выражается обращением взора на землю, что подчеркнуто перформативной конструкцией следующего примера на «еротисис» («вопрошание»):

В землю, на ней же стоиши, воззри, человече, и рцы мне, молю тя, не от сея ли еси взят <...> Воззри и разсмотри прилежно, и скажи ми, аще познаваеши, ис коего места царь и князь, ис коего же ли раб и поселянин, ис коея страны благородныи и богатый, яко крилома горе летящий, и откуда же злорадныи и нищий, откуда прекрасный и благозрачный... откуда же смрадныи и червьми кипящий, не вси ли от тоя же персти создашася, не вси ли от того же брения ⁷.

Барочный концепт *VANITAS VANITATUM* представлен визуальными образами в целом ряде других фрагментов риторик, а также в сочинениях Андрея Денисова. Так, например, Риторика-свод, над которой работал сам наставник, наряду с другими источниками для проповеди рекомендовала использовать «эмблематы или знаменья, сиречь гербы». Как известно, эмблематика получила интенсивное развитие в эпоху барокко, поскольку отвечала принципу барочного метафоризма и, соответственно, «остроумия» как ключевой категории эстетики барокко [Морозов, 1974, с. 184–226]. По сути дела, эмблема представляет собой визуальную метафору, в которой умозрительное понятие становится наглядным. В качестве примера «от эмблемы» в Риторике-своде, а также в «Слове о времени» Андрея Денисова (ему принадлежит авторство и данного фрагмента риторики) приводится следующий текст:

Возри прилежно на время жития сего и виждь, яко есть коло некое непостоянное, толико непрестанно быстротекущее, толико присно вертящееся, стояти никогда же, опретися никогда же могущее. Како убо постоит, ног не имея, како опрется, рук не имея, како усмотрит вредная, очес не имеющи? Чесо ради не точию краткая, но и слепая жизнь, и есть, и нарицатися достойна, яже без рук вся объемлет, без крил быстро летает, кроме ног скоростшествует, кроме очес, прелщая, ... и тако кратка, яко и дивный философ к вопросившым о количестве ся дивнымъ изображением предивне указа, обратився лицом к ним, паки скорейши вспять отвратися, зело краткую краткость време́не сим изъявляя ⁸.

Символика колеса, персонифицированный образ времени, поданный в форме загадки, апелляция к жесту «дивного философа» – все это придавало убедительности рассуждениям о бренности и скоротечности бытия. Да и в целом визуальный ряд «Слова о времени» включает в себя изобилие всевозможных образов, почерпнутых из самых разнообразных источников – от Священного Писания до сборников апофегмат. Так, тема «жизнь

⁷ Риторика-свод (БАН, собрание Дружинина, № 122. Конец 1720-х гг. Л. 186–186 об.) Пример заимствован из Риторики Козмы.

⁸ Публикация «Слова о времени» см.: [Журавель, 2012, с. 403–404].

есть сон» иллюстрируется при помощи «басни» о нищем человеке, который заснул на рогожине и увидел во сне прекрасные чертоги, их описание резко контрастирует с картиной его жизни. Пример основан на фации, а та является отражением бродячего сюжета «Калиф на час», известного по многим европейским вариациям, вплоть до классической драмы Кальдерона де ла Барка⁹.

«Девство» – так именовалась добродетель, которой в аскетической культуре Выга, а затем и других центров староверия придавалось особое значение. Этот концепт, воспринятый из раннехристианской традиции, был мифологизирован в текстах старообрядцев наряду с такими, как «пустыня», «вера», «церковь» и т. д.

Сие прекраснейшее девство есть шипок многоцветущий, благоуханный, сладкоараматный, многую красотою сияющий, многую сладость источающий, весь же тернием острым окруженный, жесточайшим камением обложенный, понеже пресветлейшая сия добродетель в жизни сей соблюдаема жестокоствию жития прекраснейшими плодами... по священному Спасову гласу: «Нужно есть Царствие Небесное, нужници восхищают е»¹⁰.

Розу («шипок») старообрядцы Севера могли представить только по подобным описаниям. Аллегория благоуханной красоты, окруженной колючками («тернием острым») как нельзя более зримо отражала сущность «девства».

Используя метафоры меда и пчел [Ханзен-Лёве, 2003. С. 553–555], за которыми в русской традиции были закреплены значения книжной мудрости, Андрей Денисов в разделе «элоквенция» Риторике-свода (пример на «период») образно описал картину жизни Выговского центра как пчелиного улья.

Видиши ли, како сии церковнии пчелы... чрез послушная хождения, чрез священныя тяжести трудов, чрез пролития потов... яко крилаты, чрез блага летающе, устремляются к нивам, сокровищствуют в ношении тяжких древ... пият пресладкое безстрастие... зри, како от безмолвных домов пресладкою тихостию и молчальным благочинием исходят... в немощных сосудах мощную силу показующе, ярмы тяжки на плещу носяще. И овии из них путешествие правяще, овии же благочиние надсмотряюще, и овия трапезныя и поварныя сосуды носяще, овии же церковную пользу книги имущие... Обшедше един от холмов, на нивное устройство окружат, на всякое в нем древо, аще сретят, устремляются, их посекающе... от сосния мед духовный крадут, от елия красоту души плодоносят, в березах райския цветы

⁹ Подробнее см.: [Журавель, 2012, с. 105].

¹⁰ Риторика-свод (БАН, собрание Дружинина, № 122. Л. 110). Фрагмент буквально отражен в «Слове о девстве» Андрея Денисова. См. публикацию: [Журавель, 2012, с. 403–404].

татствуют, высоковерхия осины сламяют и всякая древца к земли скланяют, от коегождо плоды души татебствуют¹¹.

Детали реального быта и северного пейзажа (упоминаются сосны, ели, березы, осины) включаются в контекст выговского утопического дискурса, элементом которого является «райский» топос, – в итоге создается идеалистический образ пустынножительства как духовного подвижничества. С помощью развернутой визуальной метафоры, опираясь на систему символов и аллегорий, Андрей Денисов в этом, как и во многих других своих текстах, переключает смысловые регистры с бытового плана на сакральный, конструируя иной образ реальности.

В послании Андрея Денисова «с Москвы во общебратство»¹² отражено реальное событие, имевшее место в Москве в 1723 г., в эпоху расцвета «слоновьей дипломатии» [Русские народные картинки..., 2009, с. 11]: встреча слона, подаренного Петру I персидским шахом. По своему жанру это послание – барочная проповедь, и в соответствии с законами жанра автор проделывает сложную герменевтическую процедуру выведения смыслов из фактов эмпирики, однако описание слона, первое в истории русской литературы, достойно отдельного внимания. Картина встречи слона в Москве нарисована подробно, со всеми деталями, и расцвечена яркими стилистическими красками, как того требовали правила элоквенции. Эта картина – своеобразный тетраптих, она включает следующие фрагменты: ожидание (1), встреча (2), описание слона (3), слон и толпа (4).

Чтобы увидеть слона, ко двору князя Долгорукова у Воробьевых гор, где должна была остановиться на время вся процессия с послами и подарками, собралась огромная толпа народа. Панорамный ракурс фокусировки позволяет увидеть грандиозный образ: «заутра же в день той внезапно, яко вода, воскипеша московстии народи»; «налияся людьми путь той»; «улицы востопташася, слободы пролияшася, переулки протекоша» [Журавель, 2010, с. 116]. Постепенно в этой огромной безликой массе, изображенной с помощью метафоры воды, проявляются отдельные черты: «мужи и старцы с юнотами текуще, и жены спешащеся, мнози детей на руку носяще, конники, колесничники ретяшеся...» [Там же]. Описание динамично, начинается ожившую картинку. Течет и бурлит не только толпа, но и окружающее ее пространство: «вкупе налияся людьми путь той... огусте народами Калужский путь, все поле до самого двора на шесть верст многочеловечно возблесне ...» [Там же]. Градация усилена эмфазой: «на тынехь, на столпах, на углах (и аще бы мощно висети на воздухе!), всюду, везде по оному пути безчисленным кипящим народом, и ниже дождь, бывый того дня, ниже продолжившееся до вечера время возможе домом люди отслати, но всем, яко некое диво, ожидающим зрети слона» [Там же].

¹¹ Риторика-свод (БАН, собрание Дружинина, № 122. Л. 243–244).

¹² Опубликовано: [Журавель, 2010].

Сгущению красок способствуют риторические приемы: анафора («на тынехъ, на столпах, на углахъ»; «и ниже дождь... ниже... время»), плеоназм («всюду, везде»).

Встреча гостей царскими войсками описана как пышная церемония, напоминающая феерическое представление. Все блестит и сияет: «поле возблесне»,

сановники златодеяннии московстии на украшенных конех, их же колесницы златосияющия каяждо спряжены, имея по шесть аргамаков златообкованных и среброуздных; пред колесницами же и по них, и окрест них конница красноучрежденная от великоможных домов, по них же одеждах кипяще злато и сребро, оружие их сияше, и кони их во украшении гордо топчашеся, диво зрящим показующе [Журавель, 2010, с. 116].

Шесть раз употреблены слова с корнем «злат», два раза – слова, означающие серебро: царственный блеск войск дополняется описанием даров шаха («лев и львица на особых койждо телегах, и жар некая небывалая птица, и бабр, многопестрый зверь, и попугаи различными цветом») [Там же]. Золото, яркие цвета экзотических зверей, вплоть до жар-птицы (видимо, под ней понимается павлин) и попугаев, – все создает необычайно праздничную, торжественную атмосферу.

Явление слона преподносится как чудо: «Понеже узресе, иже николиже в Москве видесе, и увидесе чудо не во окианском, но в Московском народном мори, небывалое зрителище, превелии зверь слон» [Там же, с. 117]. Подчеркивается огромный рост слона: «всадника, правяща его, на шии имея при нем, на нем узрети его, аки врабья» [Там же], – человек, правящий слоном и сидящий на нем, кажется снизу маленьким, как воробей. При этом точно указывается размер животного: «высоту бо зверя сего глаголют и видится быти аршина с полпята, имея нозе длиною с человека» [Там же]. Описание его внешности точно и выразительно:

...нозе... толсты, яко бревно, толстотелесен, недолог по высоте, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопокляп, ступанием медведоподобен, от верхния губы имея (нареци) нос или губа или хобот, яко рукав платна, висящ до земли, им же аки рукою брашно и питье приемлет и согнув, во уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчат сюду и сюду, уши имея велики, яко заслоны печныя, рошки малы, подобны агньчим, хвост подобен волуему [Там же].

Автор прибегает к метким сравнениям, пытаясь помочь русскому человеку представить заморское животное. Слоны сравниваются здесь со зверями, хорошо знакомыми в России: с медведем и волком. Уши слона показались автору похожими на печные заслоны, – примечательно, что книжный язык то и дело перебивается просторечными выражениями.

В последнем фрагменте описания представлена динамичная сценка «игры» слона с возбужденной толпой. Слоны осторожно отгоняют тех, кто хотел слишком близко приблизиться к нему, не навредив при этом ни од-

ному человеку: «Диво же бе зрети, ниже бо народи далече убежати могут, ниже зверь потопта или досади кого, но абие, не вредя людей, обратясь, водим всадником, в путь свой идяше» [Журавель, 2010, с. 117].

Все четыре фрагмента сопровождаются выводами. Автор выстраивает четыре симметричные конструкции, каждая из которых распадается на две части. Маркерами этих конструкций являются повторяющиеся сложные союзы «аще... не паче ли». В итоге каждый фрагмент описания обретает свое символично-аллегорическое истолкование. Здесь автор опирается на тексты-посредники. Главным метатекстом является заповедь блаженства из Нагорной проповеди Христа: «Блажени чистии сердцем, ибо тии Бога узрят» (Мф. 5: 8). Эта цитата фокусирует смысл проповеди: тот, кто хочет увидеть Бога, оказавшись в Царствии Небесном, должен проявить усердие, подобное тому, что проявили московские зеваки при лицезрении слона. «Узреть» Бога и зреть слона – так соединяются по принципу барочного остроумия эти две столь разные категории. Отметим, что в небольшом сочинении слово «зрети» является ключевым, оно повторяется 10 раз. Образ слона – не что иное, как визуальная метафора в барочном тексте.

Герменевтическая процедура включает и другие мотивы. Так, ожидание встречи со слонем на основе того же барочного принципа уподобляется встрече с Богом, которая должна быть столь же радостной и торжественной, сопровождаться таким же усердием, какое проявили жители Москвы в этом происшествии. Не случайна, конечно, и семантика слона. Слон в древнерусской традиции символизировал Бога или Христа [Белоброва, 1987; Белова, 2001, с. 27, 232–235]. Важна и символика золота [Ханзен-Лёве, 2003, с. 180–196], в древнерусской культуре эти символы были закреплены за образом Христа [Адрианова-Перетц, 1947, с. 27–35]. Описание слона, выполненное старообрядческим писателем, не имеет аналогов в древнерусской традиции¹³ и задолго предваряет подобные в литературе Нового времени.

Творчество Андрея Борисова (1734–1791), представителя третьего поколения лидеров Выговского старообрядческого центра, представляет иные способы визуализации нарратива. Он был главой Выга с 1780 до конца своей жизни в 1791 г. По выражению Р. О. Крамми, Андрей Борисов жил в двух культурных мирах («lived in two cultural worlds») [Crummey, 2011, p. 137]. Выходец из светской купеческой среды, он в начале успешной карьеры сознательно пришел в старообрядчество, был избран наставником, и годы его правления стали периодом настоящего расцвета Выга.

Ряд существенных черт творчества Андрея Борисова находит соответствие в эстетической программе русского Просвещения и, в частности,

---

¹³ Описания слона в древнерусских bestiариях и физиологах отличаются условным и фантастическим характером [Лурье, 1976, с. 106–108].

стиля сентиментализма. Это выразилось в повороте к антропоцентричности, в акценте на авторской субъективности. Уже не требования риторик, а личный опыт определяет выбор средств визуализации.

Сочинение «Прискорбное поведение» написано Андреем Борисовым осенью 1787 г. в связи с опустошительными пожарами, имевшими место в Выго-Лексинском общежитии¹⁴. Это – проповедь весьма необычной структуры. Тема несчастий, постигших пустынь, сопровождается рассказом о личной беде, которая, казалось бы, несоразмерна с масштабом общих бедствий. Во время посещения Лексы, разоренной пожаром, он поранил себе ногу. Трогательный, глубоко личный рассказ о болезни включает детально, с натуралистическими подробностями изображенную картину. Бродя «в печальных и многоскорбных мыслях» по заваленным тропам, он якобы «очютив велию боль» в левой ноге. «От чего же? Усмотрел преболезненно очима, что она стоит на превеликом гвозде люто уже пронзенною и никакоже с него подвигнутися могушею, которой, лежа в траве остроюю своею выспрь, якобы нарочно жадаю крови моею» [Юхименко, 2008, с. 226]¹⁵. Дано точное описание и искривленного гвоздя, причинившего рану («пободием жала или рыбной аки бь уды»), и физической боли. Продолжая тему рассказом о своих страданиях в ближайшую ночь, когда он лежал у себя в келье («болезнь пресилно над всеми чувствами моими восторжествовала»), он вспоминает об испытаниях Иова и подводит к главной мысли проповеди о приятии страдания и возвышения над ним. Тема общего несчастья и правильного отношения к нему трактуется через проживание и преодоление личной, даже физической боли. Выразительная картина помогает прочувствовать потенциальному адресату всю значимость испытаний.

В других текстах для подтверждения своих размышлений Андрей Борисов использовал образы, взятые из научного дискурса, в особенности из астрономии, которой весьма живо интересовался (телескоп, пятна на солнце), традиционные мотивы солнца и света у него дополняются ссылками на специфические природные явления: северное сияние, солнечное затмение. Андрей Борисов проявлял интерес к самым разным сферам жизни современного общества. Именно в его сочинении содержится уникальный пример экфрасиса. Светская живопись, разумеется, не входила в объект культурных ценностей старообрядцев.

«Слово на торжественном собрании в Петрозаводске» (1785)¹⁶ – торжественная проповедь, написанная в связи с визитом старообрядческого наставника в городское собрание. В Петрозаводске в доме наместника Тимофея Тутолмина ему довелось увидеть картину – копию знаменитого «Портрета Екатерины II – Законодательницы в храме богини Правосудия»

¹⁴ Опубликовано: [Юхименко, 2008, с. 223–227].

¹⁵ Текст передан нами в упрощенной графике: буква «ять» заменена буквой «е».

¹⁶ Опубликовано: [Юхименко, 2008, с. 333–335].

кисти Д. Г. Левицкого. Андрей Борисов во время руководства Выгом пытался выстроить лояльные отношения с властными структурами и в своих сочинениях доказывал правомерность молитв за царя (императрицу). Тема императрицы в сочинении вводится через мотив солнечного света. Автор риторически удивляется, как могло быть, что «отшедшее с нашего Северного полюса далеко за экваторь в югь прекрасное солнце паки к намь ныне приятно возвратилось» [Юхименко, 2008, с. 333]. В описании «пребогатого великаго патрета», который был размещен на высоком троне в доме наместника «в драгоценных златых рамахъ», упоминаются знаменитые маковые цветы и зерна, возлагаемые на жертвенник. Автор дает свою трактовку символике полотна:

Патреть же оный содержать в своей сущности нижеследующую важность. Ея величество изволить на курящийся жертвеникъ пред правосудиемъ возлагать маковыя цветы и семена и онымъ жертвовать высочайшему правосудию [Там же, с. 334].

Очевидно, здесь подразумевается собственное спокойствие, коим императрица пожертвовала ради соблюдения закона и блага страны¹⁷. Как известно, картина Д. Г. Левицкого, написанная в 1783 г., нашла отклик в оде Г. Р. Державина «Видение мурзы» (1783–1784), где дано подробное ее описание. Г. Р. Державин раскрывает тему императрицы через символы неба и светил («сошла со облаков Жена...»), та же символика характерна для текста Андрея Борисова. Примечательно, что в одной точке эстетического дискурса России конца XVIII в. пересеклись великий русский живописец, гениальный поэт и писатель-старообрядец.

Фокализация, несомненно имевшая место в старообрядческой литературной культуре, была связана с общими поэтическими установками, актуальными для того или иного периода. Теории слова, характерные для барокко, предполагали интенсивное насыщение текстов иллюстративным материалом. Разнообразные описания, визуальные метафоры были призваны пояснять мысль писателя и проповедника, выполняли дидактическую функцию. Эстетика художественного слова обогащалась за счет эстетики зримого художественного образа, взятого как из литературных источников, так и из реальной действительности, в редких случаях – из искусства. Визуальный план старообрядческой словесности отражал определенные художественные вкусы авторов и формировал картину мира читателя, включенного в традиционалистски ориентированное культурное сообщество.

---

¹⁷ О полисемантической символике мака в славянской традиции см.: [Судник, Цивьян, 1981].

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
- Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 178 с.
- Белоброва О. А.* Физиолог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 461–462.
- Белова О. В.* Славянский bestiарий. М.: Индрик, 2001. 320 с.
- Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. Т. 3. 405 с.
- Журавель О. Д.* К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 95–118.
- Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.
- Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.
- Лурье Я. С.* Два миниатюриста XV в. (К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси) // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 105–111.
- Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Т. 9. С. 184–226.
- Поньрко Н. В.* Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век. СПб.: Наука, 1994. С. 104–112.
- Русские народные картинки из собрания Пушкинского Дома. СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2008. Вып. 1: Почему конь не собака? 30 с.
- Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
- Судник Т. М., Цивьян Т. В.* Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica) // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981. С. 300–317.
- Тюпа В. И.* Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. 226 с.
- Ханзен-Лёве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
- Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: В 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 568 с.

Crummey R. O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Crummey R. O. Old Believers in a Changing World. Illinois, 2011. P. 136–156.

Article metadata

Title: To the Study of Visual Poetics in the Old Believer Literature of the 18th Century *

Author: O. D. Zhuravel

Author's e-mail: olga_zhuravel@mail.ru

Author's affiliation: Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The article raises the problem of visual poetics in the Old Believer literature. The author analyzes the texts of Baroque rhetoric and sermons created on the Vyg during the 18th century, including the works written by the Vyg leaders Andrei Denisov and Andrei Borisov. The author argues that focalization in the Old Believer literary culture is linked to general poetic attitudes. The Baroque Poetics implied the intensive inclusion of the illustrative material in the texts. Visual metaphors were meant to clarify the writer's idea, and simultaneously execute a didactic function. The author shows that visual images and metaphors used in the texts written at the beginning of the 18th century helped to create an idealized image of the world, which itself was based on the structure-forming constants of the Baroque worldview. The excerpts from baroque rhetoric reflected the ideas common for the Baroque culture, such as the contrasting nature of the world, the world as a labyrinth, “vanitas vanitatum”, “life is a dream” etc. The usage of emblem is considered to be an example of the implementation of conceptual metaphors. The author displays how through the visualization techniques Andrei Denisov constructs the ideal image of Vyg as a place of spiritual asceticism. Details of the real-life and landscape are included in the utopian discourse, which encompasses the topic of paradise as well. Different symbols such as honey, bees, gold, sunshine, rose and others are used. The article discusses the first detailed description of the elephant in Russian literature, included in the allegorical context of Andrei Denisov's preaching. At the end of the 18th century, Andrei Borisov started emphasizing the author's personality. Naturalistically accurate descriptions of the author's condition focus attention on his viewpoint and also serve as an expression of the didactic thoughts. The detailed analysis of the unique example of ekphrasis from

---

* This article was prepared thanks to the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00094a “The intellectual leader and his environment: the formation of sociocultural identity”.

Andrei Borisov's work, a description of the portrait of Catherine the Second by D. Levitsky, is provided.

Key terms: Old Believer literary culture, Vyg, Baroque, rhetoric, visual metaphors, emblem, Andrei Denisov, Andrei Borisov, ecfrasis.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-249-262

Reference literature (in transliteration):

Adrianova-Peretz V. P. Ocherki poeticheskogo stilya Drevney Rusi [Essays on the poetic style of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947, 178 p. (in Russ.)

Averintsev S. S. Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii [Rhetoric and origins of the European literary tradition]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, 448 p. (in Russ.)

Belobrova O. A. Fiziolog. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and books of Ancient Russia], Leningrad, Nauka, 1987, issue 1 (11th – first half 14th century), p. 461–462. (in Russ.)

Belova O. V. Slavyanskiy bestiariy [Slavic bestiary]. Moscow, Indrik, 2001, 320 p. (in Russ.)

Crummey R. The Cultural Worlds of Andrei Borisov. In: Crummey R. O. Old Believers in a Changing World. Illinois, 2011, p. 136–156.

Dukhovnaya literatura staroverov Vostoka Rossii 18–20 vekov [Spiritual literature of the Old Believers of Eastern Russia in 18th to 20th centuries]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, vol. 3, 405 p. (in Russ.)

Hanzen-Löwe A. A. Russkiy simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoetichskiy simbolizm nachala veka. Kosmicheskaya simbolika [Russian Symbolism. The system of poetic motives. Mythopoetic symbolism of the beginning of the century. Cosmic symbolism]. St. Petersburg, Academic project, 2003, 816 p. (in Russ.)

Lachmann R. Demontazh krasnorechiya. Ritoricheskaya traditsiya i ponyatiye poeticheskogo [Dismantling of eloquence. Rhetorical tradition and the concept of the poetic]. St. Petersburg, Academic Project, 2001, 368 p. (in Russ.)

Lurie Ya. S. Dva miniatyurista XV v. (K probleme tak nazyvayemogo khudozhestvennogo myshleniya Drevney Rusi) In: Kul'turnoye naslediyе Drevney Rusi (Istoki. Stanovleniye. Traditsii) [Cultural heritage of Ancient Russia (Origins. Formation. Traditions)]. Moscow, Nauka, 1976, p. 105–111. (in Russ.)

Morozov A. A. Emblematika barokko v literature i iskusstve Petrovskogo vremeni. In: XVIII vek [18th Century]. Leningrad, Nauka, 1974, vol. 9, p. 184–226. (in Russ.)

Ponyrko N. V. Esteticheskiye pozitsii pisateley vygovskoy literaturnoy shkoly. In: Knizhnyye tsentry Drevney Rusi. XVII vek [Book centers of Ancient Russia. 17th century]. St. Petersburg, Nauka, 1994, p. 104–112. (in Russ.)

Russkiye narodnyye kartinki iz sobraniya Pushkinskogo Doma [Russian folk pictures from the collection of the Pushkin House]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008, issue 1: “Why is the horse not a dog?”, 30 p. (in Russ.)

Sazonova L. I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Ranneye Novoye vremya [Literary culture of Russia. Early New Time]. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2006, 896 p. (in Russ.)

Sudnik T. M., Tsivyan T. V. Poppy in the plant code of the main myth (Balto-Balkanica). In: Balto-slavyanskiye issledovaniya. 1980 [Balto-Slavic studies. 1980]. Moscow, Nauka, 1981, p. 300–317. (in Russ.)

Tyupa V. I. Analiz khudozhestvennogo teksta [Analysis of the literary text]. Moscow, Academy, 2006, 226 p. (in Russ.)

Yukhimenko E. M. Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'. Dukhovnaya zhizn' i literature [Old Believers' Desert of Vyg. Spiritual life and literature]. In 2 vols. Moscow, Languages of Slavic culture, 2002, vol. 1, 544 p.; vol. 2, 480 p. (in Russ.)

Yukhimenko E. M. Literaturnoye naslediyе Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva [Literary heritage of the Old Believers community of Vyg] In 2 vols. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2008, vol. 2, 568 p. (in Russ.)

Zhuravel O. D. Literaturnoye tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI veka: temy, problemy, poetika [Literary creativity of the Old Believers 18th – early 21st centuries: themes, problems, poetics]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012, 442 p. (in Russ.)

Zhuravel O. D. K izucheniyu poeticheskogo stilya Andreyа Denisova: «Poslaniye s Moskvы vo obshchebratstvo» o vstreche v Moskvе persidskogo slona In: Traditsii otechestvennoy dukhovnoy kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV–XXI vv. [Traditions of Russian spiritual culture in narrative and documentary sources of the 15th – 21st centuries]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010, p. 95–118. (in Russ.)